

СОЦИАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕДИНСТВА
ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯСанкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный политехнический
университет

Одним из постулатов образовательной деятельности, как главной сферы социализации человека, является тезис о единстве обучения и воспитания. По своему конкретно-историческому содержательному наполнению он явно или неявно ориентирован на определенные идеологические установки, господствующие в общественном сознании той или иной исторической общности.

Образование означает формирование нормативности, которой руководствуется человек в своей жизнедеятельности. В самом общем виде эту нормативность можно классифицировать как мировоззрение, являющееся средством и способом человеческого существования, его регулятором. Без мировоззрения человек просто не сможет выжить. Однако следует различать объективную нормативность знания о мире, например, законов природы или конституированных норм общественной жизни, несоблюдение которых ставит под угрозу само существование человека, и субъективную нормативность отношения к миру, в котором выражается его общественное положение. В том и другом случае нормативность предписывает определенность человеческого поведения, действия в той или иной ситуации.

Как известно, человеческая жизнедеятельность имеет общественный характер, то есть любые действия человека непосредственно или опосредованно касаются и жизни других людей, затрагивают их интересы. Обучение позволяет человеку знать возможные способы воздействия на окружающий мир и получать определенные результаты, но не предписывает выбор направлений деятельности, не указывает различия положительных и отрицательных следствий. Иначе говоря, обучение представляет собой процесс передачи информации, в результате усвоения которой формируется и развивается интеллект. Воспитание, в отличие от обучения, имеет своим предметом сам выбор действий в зависимости от общественной оценки их результатов, оно ориентировано на выработку ценностного отношения к ним. Иначе говоря, воспитание означает формирование собственно нормативности, являющейся регулятором человеческой деятельности именно в аспекте ее общественной значимости. Понимаемую таким образом нормативность недостаточно знать, ее необходимо принять, согласиться с ней, на что и направлено воспитание как составляющая часть образовательного процесса. Воспитание означает включение человека в систему общественных отношений. Однако о принятой в обществе нормативности недостаточно только проинформировать, ее нельзя объяснить подобно объяснению законов природы или даже истолкованию правовых актов. Законы природы и действующие правовые кодексы не имеют альтернативы, руководствованию ими можно научить, тогда как в справедливости нормативности можно только убедить.

Таким образом, человеческое сознание характеризуется двойственностью: интеллектом и нормативностью, неразрывно связанными друг с другом и формирующимися в процессе образования в соответствии с уровнем обучения и воспитания и в зависимости от конкретно-исторических условий общественного развития.

В интеллекте представлено рациональное сознание, отражающее мир сам по себе, как таковой. Поэтому интеллектуальное развитие людей по своему содержанию объективно, качественно однородно, а значит, и количественно сопоставимо. Содержательно оно бессубъектно как на индивидуальном, так и на общественном уровне (т.е. интернационально), хотя, разумеется, носителями интеллекта являются субъекты – от отдельных индивидов до целых общностей.

В нормативности, в свою очередь, представлено ценностное сознание, отражающее уже не мир сам по себе, как таковой, а мир в его аксиологической данности человеку, то есть мир как ценность, или иначе – отношение человека к миру, причем именно общественное отношение. Иначе говоря, речь здесь идет об отношениях между людьми (между индивидами и между общностями) по поводу способа распоряжения окружающим миром в качестве жизненного пространства. Отсюда следует, что нормативность, выражающая общественный характер человеческого сознания, субъективна.

Из всего сказанного вытекает исходная теоретическая проблема, от решения которой зависит понимание сущности человеческой нормативности, а далее – видение ее определенной направленности, обеспечение которой и является целью воспитания в процессе образования. Сама же эта проблема состоит в следующем: способно ли общество, опираясь на собственный интеллект (а другого ничего не дано), обеспечить устойчивое существование самого себя в окружающем мире? Если интеллект в принципе способен обеспечить устойчивое существование каждого члена общества, то, следовательно, все будет зависеть от организации общественной жизни, а в первую очередь, от установленной нормативности и средств ее реализации. В таком случае на первый план выходит эффективное образование при органическом единстве обучения и воспитания. Получается типичная коммунистическая схема.

В действительности беспредельность материально-технического роста общества обусловлена действием его техносциальной формулы, которая, как уже говорилось на наших предыдущих конференциях, состоит в том, что совокупная масса человеческих ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнильском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, “преодолеть” данную техносциальную формулу. То

есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

Таким образом, человеческий способ существования живого является, во-первых, производственно-техническим, выходящим за пределы естественно-природного равновесия и определяемым по своему характеру неравномерной ступенчатостью материально-технического развития, нарастающего по темпам и не имеющего пределов роста; во-вторых, это социальный способ жизни, основу которого составляет социальная дифференциация, понимаемая как отношение господства и подчинения, общесторическое фундаментальное социальное отношение "цель - средство".

Труд индивида вне общества неосуществим, но даже при абстрактном допущении он не обеспечивает выживания человека. Поэтому общественный способ человеческой жизни обуславливает изначальную включенность индивидов в борьбу за место в социальном пространстве в рамках системы отношений "цель - средство".

Это означает, что функциональное разделение и обмен результатами деятельности в общественном производстве неэквивалентны. В сфере инженерно-технической деятельности труд обеспечивает выживание лишь при его включенности в передовые отрасли производства, занимающие лидирующее и потому привилегированное экономическое положение. В области инженерно-технического творчества, как и всякого другого творчества, ведется жесткая конкурентная борьба. Даже при условии, что гении рождались бы ежедневно, и в каждой стране, человечество не стало бы счастливее. Техносоциальная формула не подвластна интеллекту. Исходя из положения о том, что интеллект есть орудие борьбы за выживание, увеличение числа гениев только обострило бы эту борьбу.

Естествознание дает нам определенную картину природы. Но сама по себе природа бесконечно многообразна и не может быть представлена в виде определенной картины. Сама по себе природа "никакая", она получает конкретную определенность, благодаря определенности ее конкретной данности человеку. Природа сама по себе не характеризуется богатством или бедностью, богатство природы создается в научных лабораториях. Следовательно, к общественному богатству равно относятся наука и природа. Неограниченность общественного интеллекта и неисчерпаемость природы являются равноправными источниками поступательного развития общества. В процессе естественнонаучного познания человек конструирует систему природы (строит ее модель) в соответствии с особенностями своего существования в ней. Следовательно, направления процесса познания природы и придание ей определенного вида задаются общественной практикой, а не собственным содержанием природы и тем более не человеческим любопытством.

В свою очередь, техника, как преобразованная природа, может быть представлена в бесконечном многообразии своих конструктивных форм и принципов. Но человек создает не вообще технику и не случайно сложившиеся варианты соединения природных предметов и процессов, а необходимые ему материальные средства целесообразной деятельности. Соответственно, инженерно-техническое

творчество, как и естественнонаучное познание, обусловлено общественной практикой и не сводится ни к поиску неких абсолютных технических форм, ни к произвольному конструированию.

Наконец, управление обществом, построение определенных социальных систем осуществляется вне крайностей объективизма и волюнтаризма, будучи обусловленным закономерностями материально-предметной жизни людей. А все вместе, – и определенность научной картины природы, и определенность системы техники, и определенность общественного устройства, – обусловлено действием техносциальной формулы, задающей определенность человеческой жизни, ее нескончаемую направленность на выживание.

Видимо, здесь надо искать ключ к истолкованию тезиса о единстве естественнонаучного и гуманитарного знания. Если единство гуманитарного и технического знания основывается на выводе о социальной сущности техники, а единство технического и естественнонаучного знания – на положении о природных основаниях техники, то единство естественнонаучного и гуманитарного знания опирается на осознание техносциальной формулы. В частности, в условиях перехода научного познания к исследованию сложных систем сформировалась мнимая дилемма о лидерстве физики или биологии в современной науке. Однако общество, как чрезвычайно большая, сложная система, может рассматриваться в качестве единого объекта физического и биологического объяснения. Понимание техносциальной формулы общества одинаково вписывается в физику и биологию.

Существование животного (например, движение стада к кормушкам) определяется инстинктами, условными и безусловными рефлексами. Интеллекта в данном случае еще нет.

Жизнь дикаря регулируется теми же самыми механизмами плюс некие социальные стереотипы побудительного и запретительного характера. Регуляция поведения здесь становится частично опосредованной, нормативы передаются через воспитание, но они сугубо однозначны и по силе действия сравнимы с естественными регуляторами. В данном случае интеллект еще зачаточен, а субъективность коллективна, личности еще нет.

Цивилизованный человек обладает интеллектом, его поведение регулируется нормативностью, вырабатываемой, обговариваемой, обеспечивающей опосредованность, произвольность поведения. В этом, прежде всего, и выражается субъективность. Образуется треугольник, составляющий содержание человека: интеллект, цели и нормативы.

Если убрать нормативность и оставить только цели и интеллект, то в результате получится буквально “война всех против всех”, имеющая абсолютно хаотический характер. Следовательно, при отсутствии организующей силы (таковой является власть, опирающаяся на идею как стержень всей нормативности, основание для принуждения) остаются только люди, обладающие интеллектом и абсолютной свободой воли и действия по отношению друг к другу и к природе в рамках своих возможностей. Существование человека в таком случае оказывается невозможным.

Разумеется, люди всегда обременены некоторыми стереотипами нормативов, потому что всегда находятся в конкретно-исторической системе отношений, не бывают социально пусты. Они не свободны от общества, но свободны в понимании его устройства в соответствии с идеологическими установками, социальными мифами (сейчас их формируют СМИ) и объективными интересами.

Если же убрать цели, а оставить нормативы и интеллект, то социальное движение просто остановится. Если убрать интеллект, то не будет ни целей, ни нормативов.

Итак, в общественной жизни человека есть цели и нормы. Интеллект – это условие нахождения средств жизни в рамках общественных нормативов и индивидуальных возможностей. Соответственно, общество, как бы это ни казалось унижающим человека, есть совместно функционирующие организмы, наделенные интеллектом (разумом) и субъективностью, т.е. осознанностью своих индивидуальных интересов и переживанием по поводу их реализации во взаимодействии с другими индивидами.

Сознание есть социальное образование, представляющее собой модель материального мира. За счет идеальности такой модели имеется возможность поиска, выбора наиболее эффективных способов материально-предметного действия в объективной реальности. Однако в данной идеальной модели бытия не хватает места всем субъектам социальной жизни, что делает объективно неразрешимой задачу всеобщего обустройства. И это моделирование социального бытия так или иначе оказывается моделированием борьбы за место в жизненном (социальном) пространстве.

При наличии у живых существ одного только интеллекта сложится абсолютно атомарная совокупность индивидов, не обладающих какой-либо субъективностью. Последняя необходимо обусловлена ансамблевостью, групповым характером выживания как борьбы за место в социальном пространстве, а следовательно, порождается и сопровождается нормативностью общественной жизни. Субъективность обязательно предполагает идентификацию индивидов, которой никак не может быть в абсолютно атомарной структуре – идентификация осуществляется только в общности: при наличии отношений «мы» и «они», без чего не будет отношений «я» и «ты». Иначе говоря, наделенное интеллектом существо, лишенное переживания отношений «мы» и «они», а рассматриваемое как некое абсолютно единичное «я», не может идентифицироваться и состояться как «я», ибо последнее есть результат отношений или даже само является отношением. Субъект есть носитель, средоточие нормативности, которая принципиально невыразима в формах рациональности, ибо само человеческое существование не задано снизу (от природы) и не предзадано сверху (от Бога).

В соответствии с техносоциальной формулой объективно в обществе нет ни истины, ни добра, ни красоты, а также ни противоположных им лжи, зла и уродства, то есть объективно в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их

выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолютизм или некий экзистенциал субъективной реальности.

Нормативность не разделяется ни на внутреннюю, присущую самому человеку, не зависящую от социальности (досоциальную), ни на внешнюю, надсоциальную. Любое общественное действие индивида в конечном счете социально опосредовано и детерминировано, будь то соблюдение или нарушение правил перехода улицы при отсутствии транспорта, оплата или неоплата чего-либо при отсутствии контроля, наконец, самопожертвование или предательство без какого-либо свидетельства. Нормы регулируют отношения между совместно живущими индивидами, разделяющимися на своих и чужих. В “своих” продолжается сам человек, здесь не требуется внешних нормативов, однако сам состав “своих” определяется конкретно-исторически.

Люди, как люди, могут существовать только вместе, объединяемые отношением “цель – средство”, а не разделяемые на лучших и худших, из которых последние подлежат вытеснению из жизненного пространства. Следовательно, жизненное пространство – это форма социального бытия, а не физико-географическоеместилище жизни, в котором не хватает места для всех и, соответственно, кто-то необходимо оказывается лишним (по Мальтусу). Таким образом, жизненное пространство людей есть социальное пространство, всегда остающееся недостаточным для всей массы участников социального процесса, то есть применительно к обществу в целом, независимо от его численности и технологического способа жизни.

Осознание техносциальной формулы общества есть осознание диалектики неразрывного единства людей, обуславливающей производственную востребованность каждой человеческой жизни, с одной стороны, и непреодолимой социальной расколотости общества, непрекращающейся борьбы за выживание в силу ограниченности жизненного пространства, с другой стороны. Однако данная диалектика не может быть теоретическим средством реального регулирования человеческой жизни, поскольку фундаментальное социальное отношение “цель = средство” не поддается рациональному обоснованию применительно к сфере социальной практики.

Интеллект воплощает в себе рациональность. С позиций релятивистской техносциальной формулы он не в состоянии показать (схватить) определенность бытия, которое всегда оказывается относительным, растворяется в относительности и ускользает от понимания. То есть существование человека не поддается рациональному объяснению (ни вообще – как рода, ни в частности – как индивида). Существование человека характеризуется субъективностью, в пределах которой каждый сам определяет цели и смысл своей жизни. Иначе говоря, субъективность придает бытию определенность, очерчивает его границы и выделяет из бесконечной всеобщности. Рациональность не дает результата в определении всеобщих целей и смысла, здесь она бессильна и необходимо сменяется экзистенциальным

переживанием. Но в поиске средств выживания рациональность действенна, и чем меньше она связана с переживанием (нормативностью), тем более результативна. Поэтому, возвращаясь к исходной проблеме о том, может ли интеллект обеспечить получение ресурсов из окружающего мира, необходимых для устойчивого развития общности, с уверенностью даем положительный ответ с учетом того обстоятельства, что к окружающему миру относятся и другие общности. Весь вопрос в том, чей интеллект окажется сильнее и потому способнее ставить себе на службу чужие интеллекты.

Формирование профессиональной культуры специалистов следует рассматривать не вообще, а именно в России, в соответствии с ее собственной геоисторической формулой, которая обуславливает наличие глубокой социальной дифференциации в нашем обществе. Это означает, что исходным фактором будущих условий жизни молодого человека является его социальная наследственность (говоря по-старому – происхождение). Перспектива среднестатистического наемного труда внутри страны в этом плане более или менее привлекательна применительно к некоторым видам сферы услуг и товарно-денежного оборота и в минимальной степени – к производственной, научной и образовательной сферам.

Профессиональные качества выпускника технического университета зачастую остаются невостребованными. Более необходимыми оказываются так называемые деловые качества, природа которых очень противоречива и потому трудно определима. Благополучие будущей жизни студентов достаточно определенно связывается с предпринимательской деятельностью, а не с наемным профессиональным трудом. Однако качества, необходимые для успеха в сфере предпринимательства в условиях современной России, идут вразрез с декларируемыми положениями заповедных норм, абстрактность и безразмерность которых делает слабо различимыми предпринимательский буржуазный и трудовой коммунистический кодексы.

Деловые качества представляют собой способность человека действовать и получать необходимые результаты в сфере отношений с другими людьми, а не с предметами материального мира. В соответствии с техносоциальной формулой общества деловые отношения являются не только и не столько отношениями разделения функций в рамках кооперации и сотрудничества, сколько отношениями борьбы за место в социальном пространстве, в конечном счете – за выживание. В лидирующих общностях жизненное пространство расширено за счет ресурсов окружающего мира, и борьба за выживание внутри таких общностей опосредована их общим интересом в сохранении своего господствующего положения в мире. В общностях - аутсайдерах борьба за выживание имеет непосредственный характер, и чем менее такие общности самостоятельны в своем существовании в окружающем мире, тем в большей степени борьба за выживание имеет характер войны всех против всех. Таким образом, призыв к формированию высокого интеллекта вообще и развитию деловых качеств, в частности, в условиях современной России объективно противоречив и не поддается однозначной оценке.

Продолжающий быть признанным тезис о преимуществах системы российского образования, подразумевающий, главным образом, его фундаментальный характер, указывает, прежде всего, на высокую интеллектуальную подготовку специалистов, хорошую адаптивность выпускников технического университета к разным видам научной и производственной деятельности. В целом просты и понятны условия сохранения этих преимуществ, сводимые в наибольшей степени к достаточному финансированию образовательной сферы. Однако вопрос о нормативной ориентированности специалистов не имеет такой же определенности, как вопрос об их интеллектуальном развитии. Общественное сознание в современной России деидеологизировано настолько и в том смысле, что в нем отсутствует стержневая идея, поддерживающая духовное единство общества. Отказавшись от монополии коммунистического мировоззрения, Россия впала в крайность идеологического плюрализма при отсутствии целостного национального самосознания.

Общественные противоречия, в своей всеобщности сводятся к действию техносociальной формулы и выражаются в итоговом противоречии: каждый имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит, в жизненном пространстве все не поместится, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь – с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому лишается самого статуса права.

В принципе можно согласиться с провозглашением XXI века веком гуманитарных наук и вообще веком гуманизации всей общественной жизни. Однако надо уточнить содержание этой гуманитарности. Одно дело – ее понимание в плоскости мифологических иллюзий, утопического гуманизма. И совсем другое – осознание действия техносociальной формулы, условности любых нормативов, то есть признание правоты Ницше с той лишь оговоркой, что он не знал техносociальной формулы.

Так называемый антропологический поворот в философии и общественном сознании в целом означает переход от абсолютистско-прогрессивистской ориентации на науку и технику к ориентации на поиск путей гармонизации общественной жизни. Речь не идет о разочаровании в науке и технике, они признаются главными и всесильными средствами выживания человека. Наука и техника могут все, для них нет ничего невозможного в сфере материально-предметного бытия, но, как оказалось, обеспечить всеобщее благополучие, понимаемое как всеобщее выживание (полное проживание жизни каждым человеком), так же невозможно, как создать вечный двигатель, независимо от уровня материально-технического развития. Поэтому процесс гуманитаризации сознания не освобождает его от мифологизации, от иллюзий достижения всеобщего блага, преодоления действия техносociальной формулы и устранения социальной дифференциации уже не на основе научно-технического прогресса, а путем гармонизации социального бытия.

Поиск универсального закона бытия означает стремление к всеобщей гармонии, к достижению полной согласованности его элементов. Этот поиск мирового порядка есть поиск выхода из перманентного кризиса, выражающегося в несогласованности, разорванности бытия человека. Однако перспектив для нахождения единого закона природы, а тем более общественного (социального) и индивидуального (экзистенциального) не просматривается. Точки отсчета и ориентиры человеческого бытия не определяются, отсутствует понятный, рационально формулируемый общественный закон. Казалось бы, его открытие все расставит на должные места и люди смогут обустроить свою жизнь в соответствии с этим законом. Но вся история человеческой мысли свидетельствует лишь о неминуемости крушения любых идеальных моделей бытия.